

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

Сергей ДОНСКОЙ

АРКТИЧЕСКОЕ
ВТОРЖЕНИЕ

Сергей Георгиевич Донской

Арктическое вторжение

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3373745

Сергей Донской. Арктическое вторжение: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-56741-6

Аннотация

В Арктике от рук прибалтийских "ультраправых" гибнет российская полярная экспедиция. Нити преступления тянутся в ЦРУ. Президенты двух ядерных супердержав лихорадочно ищут возможность и "сохранить лицо", и не дать человечеству сгинуть в ядерной катастрофе. Но хрупкий мир в итоге спасает суперагент Кремля майор Глеб Грин. Выполняя практически невыполнимое задание, этот "универсальный солдат" вместе со своей напарницей уничтожает всех наемников, посягнувших на жизнь российских ученых. Тем самым Грин выполняет негласную волю Кремля. И, сам того не подозревая, преподносит хороший урок хозяину Белого дома в Вашингтоне.

Содержание

Пролог,	7
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	55
Глава 4	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Сергей Донской

Арктическое вторжение

Принято считать, что короля играет свита. Мы видим лидера страны именно таким, каким его нам «подают». Облик первой фигуры государства – это предмет искусства, рукотворный контент, над которым без усталости трудятся имиджмейкеры, помощники, пресс-секретари, референты, лидеры пропрезидентских партий, «придворные» СМИ, обласканные властью пиарщики, деятели культуры, художники, кинематографисты, писатели и т.д. и т.п. На самом же деле за монументальной иконой стоит, как правило, вполне земной, не чуждый человеческих слабостей и пороков человек, который так же, как и миллионы его подданных, тревожится о личном благополучии, болеет, сопереживает, злится, боится, нервничает и искушается. И у него своя, «королевская» игра. Она не столь заметна, как игра свиты, а подчас и вовсе незаметна; подобно шахматным королям, президенты делают осторожные и вроде бы мелкие шажки, не выпускают друг друга из поля зрения, общаются один на один, спорят, убеждают, торгуются, лукавят, блефуют – в общем, как простые смертные на рынке. Но от этой «королевской» игры зачастую переворачиваются судьбы миллионов граждан, стираются и вновь появляются государственные границы, развязываются войны – и не только экономические, гибнут целые народы и

поколения...

В этой серии все, от первого и до последнего слова, художественный вымысел. Никто и никогда не узнает, о чем на самом деле говорят президенты наедине друг с другом, о чем они говорят со своими женами, о чем думают, глядя в темные пуленепробиваемые окна Белого дома, Дворца Радзивиллов в Кракове, Елисейского дворца в Париже, Бундесканцлерамта в Берлине, мадридского дворца Сарсуэла, резиденций в Ново-Огареве, римского дворца Квиринал... Мы можем только предположить и нафантазировать. Что мы и делаем.

И все же, и все же, и все же...

Персонажи книги, включая однофамильцев известных государственных деятелей, вымышлены автором. События не обязательно происходят в наше время. Иными словами, книга является плодом творческого воображения, а не историческим документом.

Не ставя перед собой целью задеть чьи-то чувства или очернить кого бы то ни было, автор лишь попробовал рассказать о некоторых закулисных играх в большой политике, которые никогда не выносятся на суд общественности. Если же кому-то покажется, что он узнает себя в одном из действующих лиц, то это может означать лишь одно: в похожих ситуациях он действительно мог говорить, думать и делать то же самое, что и литературные герои. А любые

совпадения носят исключительно случайный характер, за которые автор ответственности не несет.

Это не фантастика. Это предупреждение политикам о том, насколько хрупок и изменчив мир, в котором мы живем и который они создают своими руками.

Автор

Пролог, который мог бы стать эпилогом

Президенту США господину Брауну не спалось. Утром ему доложили об уничтожении в Латвии местной ультраправой националистической группировки, которая, как выяснилось, не без ведома американских спецслужб ликвидировала российскую полярную экспедицию «Северный полюс-47». Весь день он ходил сам не свой. Браун боялся себе признаться, что никак не ожидал от русских такой прыти. Эти «ультра» были тщательно законспирированной организацией. Тем не менее двое посланных Кремлем спецназовцев уложили всех восьмерых. «Это тебе не с безоружными полярниками воевать», – раздраженно подумал Браун.

Он явственно ощущал, что получил от своего российского коллеги звучную пощечину. Да и от ЦРУ тоже. За его спиной они затеяли откровенную провокацию, которая могла очень плохо кончиться. А отдуваться за все пришлось ему, президенту.

Браун вспомнил тяжелый, вязкий телефонный разговор с российским президентом Астафьевым. Когда тот недвусмысленно дал понять, что собирается разобраться с террористами тихо, по принципу «око за око», и попросил Брауна сделать вид, что в Америке этого не заметили, Джонатан

Браун не поддавался на откровенное давление своего заокеанского коллеги. И был даже немало доволен собой. И только положив трубку, вдруг понял, что попал в хорошо подготовленную ловушку. «А ведь в Москве знают, как это все произошло! Но откуда?»

Чем больше Браун общался с Астафьевым, тем отчетливее понимал, что с самого начала явно недооценил нового российского лидера. Их первая личная встреча произошла в Лондоне, накануне саммита «большой двадцатки». Тогда они обошлись общими словами о том, что, несмотря на образовавшуюся в последние годы трещину в российско-американских отношениях, у двух держав много общих интересов: борьба с терроризмом, нераспространение ядерного оружия, поиск путей для выхода из финансового кризиса. Брауну тогда показалось, что Астафьев лишь старательно озвучивает московскую заготовку, составленную отнюдь не им самим. «Вот и хорошо, – не без самодовольства подумал он, – с «бледной тенью» контактировать будет легче».

Однако прошел всего год с небольшим, и он во всеуслышание заявил в интервью одному из ведущих российских телеканалов прямо противоположное.

Эта оценка далась ему непросто, поэтому Браун помнил ее почти дословно. «Я думаю, он сильный лидер и хороший человек, очень вдумчивый, – сказал президент США. – Мне очень приятно иметь с ним дело. Полагаю, мы установили по-настоящему доверительные отношения, которые прине-

сут плоды, приведут к успеху и в ходе переговоров и бесед, которые нам еще только предстоят в последующие годы».

И это была не просто дипломатическая вежливость. В конце концов, никто его за язык не тянул. Браун вспомнил сейчас об этом своем интервью и с горечью признался самому себе в том, что был недалеко от истины. По крайней мере, в истории с гибелью российской полярной экспедиции Астафьев загнал его в угол – деликатно, но очень грамотно. Более того, тем самым во многом именно он определил вектор дальнейшего развития отношений Россия – США.

Бессонница вдруг куда-то пропала. «Пока я нахожусь в Белом доме, войны не будет», – решил для себя Джонатан Браун и отправился спать.

Глава 1

«БЕЛЫЙ» ОТРЯД

Полярная станция – научно-наблюдательный пункт, созданный на побережье Северного Ледовитого океана, близлежащих островах, а также на дрейфующих льдах.

Россия – первая и единственная страна, использующая дрейфующие полярные станции. Благодаря им российские ученые получили возможность исследовать Арктику круглый год.

Считается, что полярные станции ведут исключительно метеорологические, геофизические, геомагнитные, гидрологические, а в отдельных случаях – биологические и медицинские наблюдения.

Население станций составляют ученые, реже – члены их семей. Широко используется вахтенный метод (не более 12 месяцев).

Из свободной энциклопедии «Википедия»

Первыми той ночью погибли две лайки, выбежавшие пришельцам навстречу. Приученные охранять лагерь от белых медведей, они растерялись при виде незнакомцев. Никто не учил их тому, что чужие люди могут быть опаснее зверей. Собаки не восприняли их как настоящую угрозу.

Это их и погубило.

Глухое рычание Дьюка перешло в жалобный скулеж, и он

повалился на снег, тщетно пытаясь дотянуться зубами до металлической стрелы, вонзившейся ему под лопатку. Рядом рухнула его верная подружка Диана, завалившая было хвостом, когда один из незнакомцев произнес что-то ласковым, успокаивающим голосом. Затем арбалет в его руках издал механический щелчок, и Диана перестала видеть, слышать и ощущать что-либо, кроме жгучей боли в груди. Жизнь медленно оставляла ее. Последнее, что увидели стекленеющие глаза ни в чем не виноватой псины, – как снежинки звезд падали из темноты, становясь все больше и ярче. Ее недолгая собачья жизнь была вполне счастливой, а смерть – быстрой.

Тем, кого лайки считали своими хозяевами, предстояло умереть не так легко. А пока они спали и видели кто приятные, кто тревожные сны, не подозревая о том, что происходит наяву.

Начальнику экспедиции Трегубову чудилось, будто за ним охотится стая летающих снежных пингвинов, и он постанывал от ужаса и безысходности, потому что там, где он находился, летучие пингвины были в тысячу раз реальнее вооруженных людей, оцепивших лагерь.

Этот сон преследовал его всю жизнь. Загнанный в тупик, он обычно пробуждался от собственного крика, но сегодня ему пока что удавалось ускользать от пингвинов в лабиринте ледяных торосов. С лицом, искаженным мукой, Трегубов лежал на спине и тихонько всхлипывал. К счастью, никто не видел его в этом жалком состоянии. В свои шестьдесят лет

Трегубов считался арктическим ветераном, настоящим долгожителем Северного полюса, и пользовался заслуженным авторитетом среди остальных участников экспедиции, которым было ни к чему знать уязвимые места своего командира.

Все это были относительно молодые сотрудники и сотрудницы знаменитого Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Росгидромета. В шутку они любили называть себя комсомольцами-добровольцами, хотя, конечно, никакого комсомола уже давно не существовало, да и из комсомольского возраста эти отважные мужчины и женщины давно вышли.

Их отбирали известные космонавты, спортсмены, доктора и психологи. Комиссия проработала в ААНИИР несколько недель, пока окончательно не определилась с кандидатурами. Затем будущие полярники прошли тренировку в горах Кавказа, где в экстремальных условиях спасатели учили их выживать самим и оказывать первую помощь другим.

Самым старшим среди рядовых сотрудников был метеоролог Кващинский, носивший такую густую бороду и такой мохнатый свитер, что было непонятно, где заканчивается одно и начинается другое. В прошлом месяце ему исполнилось тридцать шесть лет, он обожал старенькую маму, был холост и мечтал написать о своих похождениях роман, который прославит его на весь мир. Младшему было двадцать девять, его никто и никогда не называл по имени-отчеству, хотя парень уже был женат и имел двух детей. Фамилию он носил несе-

рзезную – Ложечкин. Представляясь, он всегда хмурился и старался разговаривать хриплым басом, который ему совершенно не шел.

Трех особ женского пола, дрейфовавших на льдине в разношерстной мужской компании, в шутку звали Аглаей, Талией и Евфросиной, точь-в-точь как римских граций, дочерей Юпитера, состоявших в свите Венеры. Конечно, внешне они не были столь прекрасны и не кружились в хороводах нагишом, поскольку, во-первых, всегда были заняты неотложными делами, во-вторых, ходили тепло одетыми по причине нештучного арктического холода, а в-третьих, не имели права разжигать в коллективе межполовые страсти обычным дамским кокетством или какими-либо иными, более изощренными способами.

Самой зрелой женщиной была кинорежиссер Бородулина, самой красивой – повар Ефремова, а самой умной – доктор наук Полицева, защитившая диссертацию, одно только название которой могло ошарашить человека непросвещенного. Звучало оно так, что повергало в состояние прострации любого, кто пытался усвоить его с первого раза: «Комплексный мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды в высокоширотных районах дрейфа на основе круглогодичных метеорологических, аэрологических, ледовых и океанографических наблюдений с целью исследования процессов, определяющих интенсивные климатические изменения в центральной Арктике, влияющие на природную среду

и экосистемы арктического региона России».

Понятно, что женщина, способная хотя бы придумать и запомнить такое название, не тратила свое драгоценное время на флирт и прочие пошлости. Ну а снилась ей все же какая-то ненаучная ерунда: темный, грязный подъезд, шарканье ног преследующих ее бомжей и полное отсутствие дверей на лестничных площадках. Осознав, что она оказалась в ловушке и вот-вот будет схвачена тянущимися к ней грязными лапами, доктор наук Полынцева обмерла, дернулась, проснулась и некоторое время лежала в темноте, прислушиваясь к биению своего сердца.

Ей безумно хотелось курить, но в жилых помещениях это строго-настрого воспрещалось, так что она ограничилась тем, что напилась очищенной талой воды из стакана на тумбочке. Ей было не по себе, настолько не по себе, что она окликнула Бородулину, словно бы желая узнать, который час, но соседка не проснулась, и, устыдившись своей минутной слабости, Полынцева приказала себе не раскисать и не распускать нюни.

Это помогло. Чтобы окончательно прогнать воспоминания о кошмаре, она стала думать о борще, о предстоящем по возвращении из экспедиции отдыхе на даче и о прочей ерунде, пока, наконец, мысли не потекли в привычном русле – о повседневной работе, которая, разумеется, не ограничивалась гидрометеорологическими наблюдениями.

С того самого момента, когда над станцией взметнулся

государственный флаг России, она начала функционировать в особом, секретном режиме, расписанном людьми, чьи познания о климате не распространялись дальше вежливых разговоров про погоду. Научные исследования велись постольку-поскольку, тогда как главной задачей полярников являлась коррекция параметров орбит военной спутниковой системы, наименование которой было известно только узкому кругу лиц, отвечающих за обороноспособность страны. Помимо этого, экспедиции предписывалось в очередной раз исследовать хребет Ломоносова на предмет его принадлежности к арктическому континентальному шельфу России.

Нужны были не просто веские, а неопровержимые доказательства этого. Чем больше, тем лучше.

До сих пор ООН отвергала любые российские претензии на эту малоизученную территорию, где, по самым приблизительным оценкам экспертов, находилось около двадцати пяти процентов неразведанных мировых запасов углеводородов. Доказательств недостаточно, sorry¹, качали головами западные чиновники и улыбались, кто широко, кто сдержанно, скрывая за своими заученными улыбками тот самый волчий оскал империализма, о котором много писали еще в бытность СССР.

Преемница Советского Союза, Россия перевидала этих оскалов немало. Они так ей осточертели, что на одном из заседаний Совета Безопасности в присутствии президента

¹ Извините (англ.).

Астафьева и премьер-министра Силина из уст секретаря Совбеза прозвучало предельно четко и ясно: «Мы Арктику никому не отдадим. Она наша, и она должна стать основной стратегической ресурсной базой России».

Президент и премьер, не сговариваясь, кивнули, а их лица, принявшие одинаково жесткое выражение, сделались очень похожими, хотя обычно между ними не наблюдалось никакого сходства. Фраза сорвалась с языка секретаря Совбеза не случайно. Она долго обдумывалась, взвешивалась и корректировалась всеми участниками заседания, дабы, будучи озвученной, известить мир о непоколебимости позиции России.

Вскоре после этого исторического заявления полярники заложили на дне Северного Ледовитого океана капсулу с российским флагом. Узнав об этом, Запад взбеленился в полном смысле этого слова. Канада с пеной у рта потребовала убрать ненавистный трехцветный флаг с золотым коронованным орлом, на груди которого, как встарь, топтал поверженного змея Георгий Победоносец. Некоторые члены «Большой восьмерки» стали шепотком обсуждать возможность объявления России экономической блокады, а потом и вовсе позволили себе глухие угрозы и проклятия в адрес непокорных славян. Разношерстная европейская мелочь подхватила их, как подзаборные шавки подхватывают злобный лай цепных псов. В разгар шумихи Соединенные Штаты направили к берегам Аляски сразу несколько экспе-

дий, которые должны были обосновать претензии Америки на шельф, застолбленный русскими. Из этой затеи ничего путного не получилось, однако негодование мировых держав по поводу самоуправства России лишь усилилось. Обстановка во льдах накалилась до такой степени, что главнокомандующий ВМФ объявил о возобновлении круглосуточного боевого дежурства кораблей Северного флота в арктических районах.

Это походило на возвращение в середину прошлого века, когда противостояние между СССР и США грозило перерасти в обмен сокрушительными ядерными ударами. Как язвили на станции, «вот она, настоящая холодная война, при температуре минус сорок градусов по Цельсию». Автором шутки являлась та самая доктор наук Полынцева, которой не спалось за полчаса до ужасной смерти всех участников экспедиции. Последняя связная мысль, посетившая ее перед погружением в дрему, была о муже, оставшемся в Петербурге. Обычно Полынцева на него злилась, подозревая в изменах и беспробудных пьянках, но этой ночью ей вдруг сделалось жалко своего непутевого Левушку. Детей у них не было, родители обоих совсем состарились, и, случись что с одним из супругов, второму бы пришлось доживать свой век в полном одиночестве.

Почему вдруг Полынцева задумалась об этом? Почему на ее глаза навернулись непрошеные слезы? Она решила, что причиной тому гадкий сон про подъезд без дверей. Наука отвергала существование такого явления, как интуиция, и

Полынцева отмахнулась от нее тоже. Шестым чувством она ощущала приближение опасности, но как человек, привыкший опираться на факты, заставила себя не обращать внимания на одолевавшую ее смутную тревогу, вытерла глаза и сомкнула веки.

В это время пришельцы уже бесшумно рассредоточились по территории никем не охраняемой полярной станции. Было очевидно, что каждый из них хорошо знает свою задачу и прекрасно ориентируется на местности. Специалист предположил бы, что эти люди не только изучили план станции по картам или спутниковым снимкам, но и основательно потренировались, прежде чем приступить к выполнению задания.

Какого именно задания? Чьего? С какой целью?

Ответы на эти вопросы знали только они, но никто из пришельцев никогда и нигде не распространялся на эту тему. Они держали языки за зубами, а совесть – за семью замками, чтобы не отвлекаться понапрасну.

Все пришельцы были одеты в белые маскхалаты, делавшие их похожими на призраков. Только эти призраки были вооружены вполне реальными короткоствольными автоматами, снайперскими винтовками и арбалетами. Они прятали свои лица за белыми масками, надетыми вряд ли из-за мороза, не слишком сильного по здешним меркам. Выдыхаемый ими пар радужно струился на фоне ночного неба. Лунны видно не было – только сверкание мириад холодных арктических звезд, похожих на алмазы, щедро рассыпанных по

черному бархату.

Движение дрейфующей льдины непрошенные гости совершенно не ощущали. По сути, это была многокилометровая ледяная платформа, медленно и плавно курсировавшая по поверхности Северного Ледовитого океана. На ней размещались три десятка строений различного размера и назначения, а кроме того, четыре дизельные электростанции, ангары для тракторов и снегоходов, депо с дизтопливом и продуктовая морозильная камера. Все это было доставлено на станцию «Северный полюс-47» атомным ледоколом «Ямал» примерно месяц назад, в тысяче километров от Большой земли, к северо-востоку от архипелага Де-Лонга. Пятнадцати полярникам предстояло провести на своей льдине толщиной в три метра еще одиннадцать месяцев, но, судя по поведению пришельцев в маскхалатах, срок этот неумолимо сокращался с каждым выдохом и вдохом незваных гостей, с каждым шагом ног, обутых в утепленные армейские ботинки.

«Ты, ты и ты – налево! Вы трое – направо! Остальные за мной!»

Повинуясь жестам своего командира, вооруженные люди приблизились к жилым строениям вплотную, опять-таки демонстрируя удивительную осведомленность. Они словно заранее знали, где кого искать. И они явились не для детской игры в прятки или в догонялки. Оружие диверсанты держали на изготовку.

– Гоу! – резко выкрикнул командир, когда необходимость

действовать скрытно отпала.

По его сигналу пришельцы одновременно бросились вперед, и ночная тишина огласилась воинственными возгласами, руганью, топотом и грохотом выбиваемых дверей. Казалось, нападающие умышленно производят столько шума, чтобы деморализовать участников российской экспедиции.

Отпора они не опасались. Пистолет начальника экспедиции, карабин, а также пара охотничьих двустволок не представляли серьезной угрозы для атакующих. Они были настроены действовать быстро и решительно, тогда как сонные полярники не были готовы к такому обороту дела. Сколько у них было времени для того, чтобы прийти в себя и организовать оборону?

Пять секунд? Десять? Пятнадцать? Слишком мало.

Замки, уничтоженные специальными взрывными устройствами направленного действия, не смогли задержать нападающих. Продолжая перекликаться и круша все на своем пути, они врываются в жилища, направляли на ошеломленных полярников оружие, грубо вытаскивали их из постелей и выволакивали наружу. За шиворот, за волосы, за ноги. Мужчин, пытавшихся хвататься за мебель и дверные косяки, бесцеремонно оглушали ударами по голове.

Били не сильно, явно не насмерть. Одному рассекли бровь, второму расквасили нос. Полярники, многие из которых в молодости слыли лихими парнями, как-то сразу скисли, утратили мужество, растеряли бойцовские качества.

Происходящее виделось ими как в бреду. Недоуменно хлопая глазами, они безропотно позволяли тащить себя по снегу и только бормотали растерянно:

– Эй, мужики?.. Вы чего?.. Что вам надо?..

Самым стойким оказался начальник экспедиции Трегубов, который, несмотря на кровь, заливавшую глаза, умудрился сбить с ног одного из противников и вцепиться ему в глотку. Это стоило ему пары вышибленных зубов, проломленного черепа и нескольких сломанных ребер. Из последних сил он призвал сотрудников браться за оружие, но приказ его выполнять было некому. Мужчины и женщины вповалку лежали на снегу, постанывали, кряхтели и молили Бога о том, чтобы происходящее оказалось дурным сном.

Это был не сон, и Бог их не слышал. Тех, кто еще не осознал своего положения, норовя встать, пинали тяжелыми ботинками, лупили прикладами или просто кулаками.

Вскоре уже никто не оказывал ни малейшего сопротивления.

– Пересчитайте всех, – распорядился главарь налетчиков на хорошем английском языке. – Их должно быть пятнадцать. И свет... Эй, кто-нибудь, включите свет!

«Странный акцент, – отметила про себя Полынцева, отстраненно удивляясь собственному спокойствию. – Никогда не слышала такого акцента. Во всяком случае, это не азиаты и не кавказцы. Похоже, европейцы. Но кто? Кто, господи?»

Вспыхнул один прожектор, затем другой. Утоптанная

площадка посреди лагеря озарилась ярким белым светом, отчего сделалась похожей на съемочный павильон. Очертания человеческих фигур стали очень четкими, тени от них растянулись по белому покрову, повторяя каждое движение людей.

«Как в кино, – подумала Полынцева. – Но это не кино».

Мужчина в маскхалате небрежно перешагнул через нее, буркнув себе под нос:

– Три.

Это тоже было сказано по-английски. Короткое слово не позволяло определить наверняка, говорит ли мужчина с тем же специфическим акцентом, что и его командир, но Полынцева решила, что да. Эти люди были одеты одинаково и вели себя как члены крепко спаянного коллектива. Точнее, бойцы отряда штурмовиков, захвативших неприятельский лагерь вместе с заложниками.

– Пять, – произнес один из них и неожиданно ударил попытавшегося подняться на четвереньки Сашу-тракториста.

– С-сука, – взвыл Саша, повалившись на бок.

Среди полярников поднялся недовольный ропот. Ободря друг друга матюгами, они начали подбираться к катающемуся по снегу товарищу.

– Изверги! – выкрикнул Трегубов. – Фашисты проклятые!

Тогда прикладами заработали сразу несколько пришельцев.

– Шат ап, – раздраженно приговаривал один из них, коре-

настый и плечистый, – шат ап, ю, рашн бастардз.

Он назвал пленников русскими ублюдками и хотел, чтобы они заткнулись.

– Лив зэм элон, – подал голос командир, когда бунт был подавлен. – Оставьте их в покое.

«А ведь это не похищение, – вдруг осознала Полинцева, и душа ее сжалась от знакомого каждому внутреннего холода, который рождает смертельная опасность. – Нас никуда не повезут отсюда, потому что не на чем. Но тогда зачем мы им понадобились? Что с нами собираются делать?»

Ее блуждающий взгляд наткнулся на окоченевшие трупы лаек, затем остановился на телах сидящих и лежащих на снегу товарищей. Шофер Саша то и дело сплевывал, словно никак не мог поверить, что слюна его окрасилась в красный цвет. Похожий на щуплого мальчика Ложечкин дрожал, обхватив себя за плечи, а под глазами его наливались темным цветом синяки, чем-то смахивающие на неуместные в здешних широтах солнцезащитные очки. Бородатый Кващинский зыркал из-под косм на обидчиков и походил на актера, играющего роль попа, схваченного гитлеровскими карателями. Повар Ефремова, вытащенная на улицу в одной ночной рубашке, ерзала, стараясь усесться так, чтобы геологи и аэрологи ненароком не заглянули ей под подол. Как будто кого-то сейчас волновали ее прелести! На сорокаградусном морозе, от которого уже у многих перехватывало дыхание и сводило конечности!

– Немедленно отведите нас в помещение! – потребовал Трегубов. – Хотя бы женщин! – Его голос сорвался на фальцет. – Слышите меня? Мы мирные люди. Вы не имеете права обращаться с нами подобным образом!

– Вы действительно так думаете? – вежливо отозвался командир штурмовиков.

Полынцева отлично его поняла, как и начальник экспедиции.

– Йес, оф кос, – задиристо подтвердил Трегубов.

Его седая шевелюра выглядела так, будто на нее вылили банку вишневого варенья. Он был немолод, ему здорово досталось, но он не был сломлен духом. А вот прижавшаяся к нему Бородулина, не стесняясь, вдруг завывала во весь голос, будто оплакивая чью-то кончину.

«Свою собственную», – подумала Полынцева и заплакала тоже, но беззвучно, и слезы замерзали на ее ресницах, не успевая скатываться по щекам.

– Все пятнадцать человек в наличии, – донеслась до нее английская фраза. – Разрешите приступить?

– Валяйте, – кивнул предводитель «белого» отряда.

– Всем встать! – перешел на крик подручный. – Стэнд ап!

Геофизик Федоров перевел сказанное с таким видом, будто выполнял здесь обязанности гида и происходящее его не касалось. При этом он чему-то улыбался, а глаза его казались стеклянными и незрячими, как у мертвеца.

«Живой труп, – вспомнилось Полынцевой. – Было такое

литературное произведение, я еще сочинение по нему писала. Но кто автор?»

Все ее мысли сосредоточились на этом вопросе, помогавшем не думать о том, что ее ожидает. Двигаясь механически, точно сомнамбула, она встала, то и дело клацая зубами. Ее товарищи по несчастью, уже порядком окоченевшие в нижнем белье на морозе, тоже начали подниматься на ноги, собираясь вокруг Трегубова. Все подавленно молчали, только океанограф Шишков о чем-то шептался с Кренделем, который в свои тридцать с небольшим лет уже считался видным гидробиологом. Заметив это, двое мужчин в маскхалатах набросились на них с тумаками и руганью.

– Немедленно прекратите, – возмутился Эдик Кренкель и машинально добавил: – Стоп ит!

При такой фамилии было неудивительно, что на станции его звали Кренделем. Но сегодня это не казалось смешным. Особенно когда захваченных в плен полярников заставили выстроиться в шеренгу и они очутились лицом к лицу с неизвестными в белой экипировке. Правда, на самом деле лиц иностранцев видно не было. Зато каждый из россиян получил возможность заглянуть в направленное на него дуло автомата или винтовки.

А потом прозвучал совсем уж ошеломляющий приказ:

– Раздеться. Всем раздеться.

Командир «белого» отряда не считал нужным перевести сказанное. За него это сделали те участники экспедиции, ко-

которые знали английский язык. Вроде бы все было ясно. Но никто и пальцем не пошевелил, чтобы выполнить приказ. Полярники и без того уже изнемогали от беспощадного холода арктической ночи. Почти все они стояли на снегу бо-сиком, стуча зубами и растирая посиневшую кожу. Только двое из них легли спать в свитерах, да Федоров натянул перед отбоем теплый спортивный костюм приятного зеленого цвета. Остальные были едва прикрыты рубашками, футболками, трусами и кальсонами. Расставаться с последними лоскутами одежды было смерти подобно.

– Хорошо, – перешел на русский язык главарь банды. – Я вижу, вас необходимо убеждать. Мы умеем убеждать.

Его речь была правильной, однако правильность эта звучала нарочито, как если бы с россиянами общался не очень тщательно запрограммированный робот или шпион из старого советского фильма.

«Иностранцев там обычно играли прибалты, – припомнилось Полынцевой. – Литовцы, латыши, эстонцы. Интересные мужики, только фамилии у всех дурацкие. Сплошные Будрайтисы с Калниньшами. И еще эти... Юри Ярветы...»

Нервный смешок был готов сорваться с ее непослушных синюшных губ, когда голос, донесшийся словно издалека, вернул ее на грешную землю.

– Сейчас мои люди застрелят... – указательный палец иностранца, обтянутый вязаной перчаткой, остановился на оцепеневшей Полынцевой, – застрелят вот эту женщину. По-

том эту. – Палец переместился на рыдающую Бородулину. – Тогда, может быть, вы поймете, что мы пришли сюда не для того, чтобы шутить шутки.

Окончание тирады прозвучало слегка непривычно, однако стало окончательно ясно, что предводитель «белого» отряда изъясняется по-русски так же свободно, как по-английски; возможно, даже с менее заметным акцентом. Это, как показалось россиянам, было еще хуже. Если только могло быть что-то хуже того, что уже произошло.

– Считаю до трех, – перешел на крик командир отряда. – Раз!.. Два!..

– Успокойся, математик, – буркнул Саша-тракторист, стягивая с себя майку. Он покосился на Полынцеву. – Все в порядке, Жанна Николаевна. Не бойтесь.

– Спасибо, Александр Степанович, – пискнула Полынцева и взялась деревянными, потерявшими чувствительность пальцами за подол ночнушки.

Саша переступил через снятые трусы.

– Пожалуйста, Жанна Николаевна, – сказал он.

Обмен любезностями вызвал смех в шеренге вооруженных людей.

– А вы чего ждете? – рявкнул их главарь на дрожащих пленников.

Они уже ничего не ждали.

Ни у кого из них не было шансов выжить на льдине под открытым ночным небом промерзшей насквозь Арктики, да-

же если бы им и оставили те жалкие одежды, в которых их выгнали на площадку. Тем не менее какая-то призрачная надежда еще теплилась в сердцах, потому что все торопливо разделись, стараясь не смотреть друг на друга. Женщины плакали, страдая от невыносимого холода и такого же невыносимого унижения. Мужчины крепились, хотя двое или трое уже были близки к обмороку, оглушенные неотвратимостью событий и резким перепадом температур. Хуже всех было геофизику Федорову, которого поддерживали под локти Ложечкин и Кренкель. Похоже, он действительно умирал и уже совершенно не соображал, где находится и что с ним происходит.

Счастливики, думали о нем. Счастливики, ему хотя бы не так страшно.

– Довольны? – пробормотал Трегубов, с трудом ворочая одеревеневшим языком. – Мы сейчас замерзнем тут на хрен. Вы этого добиваетесь?

Главарь «белого» отряда хмыкнул.

– Наверное, вам надо согреться, – предположил он. – Для этого необходимо больше двигаться. Ну-ка, бегом. – Если до сих пор по его тону чувствовалось, что он насмешливо ухмыляется под своей маской, то теперь его голос изменился. – Бегом, я сказал! Если через десять секунд здесь кто-нибудь останется, я прикажу открыть огонь. Вперед, покорители Севера! Родина вас не забудет.

– Я не побегу, – сказала Полынцева, еле шевеля окоченев-

шими губами. – Стреляйте, гады.

Ей вдруг вспомнились черно-белые фотографии, на которых были изображены заключенные гитлеровских концлагерей. Здесь, на Северном полюсе, чуть ли не семьдесят лет спустя, повторялась та же самая картина. Тепло одетые изверги и их раздетые догола жертвы...

Наверное, нечто подобное пришло в голову и Ложечкину, потому что он придвинулся ближе к Полинцевой и упрямо наклонил голову.

– Стреляйте, стреляйте, – процедил он. – Я тоже не побегу.

– И я, – поддержал их Трегубов, смерзшиеся волосы которого образовали нечто вроде нелепого темно-красного колпака, над которым клубился пар.

После секундного колебания к ним присоединились еще двое полярников. Остальные предпочли подчиниться приказу, лишь бы продлить свою жизнь хоть на несколько мгновений. Они казались несчастным невероятно долгими, эти мгновения. Оскользываясь, пленники попятились, а затем развернулись и, толкаясь, устремились прочь, постепенно ускоряя шаг.

– Не желаете присоединиться к своим товарищам? – галантно осведомился главарь «белого» отряда, глядя Полинцевой в глаза.

– Не желаем, – ответил за нее Трегубов.

Ложечкин лишь пошире раздвинул ноги и набычился еще

сильнее.

– Что же, это ваш выбор, – произнес главварь «белого» отряда, направляя на Полынцеву ствол пистолета. – Я не возражаю.

Она слышала, как за спиной скрипит снег под негнушимися ногами бегущих, чувствовала их прерывистое дыхание, которое, удаляясь, становилось похожим на шорох – шорох бумаги, сминаемой в кулаке. В сравнении с ним выстрел прозвучал просто оглушительно...

Бум!

А оранжевое пламя, вылетевшее из круглого отверстия ствола, было ослепительным...

Оглохшей и ослепшей Полынцевой почудилось, что она видит аккуратную блестящую пулю, летящую ей прямо в переносицу, а потом в голове грянул гром, мир разлетелся в клочья, а сама Полынцева качнулась назад и, уже мертвая, повалилась лицом вниз.

Затылка у нее не было. Из дыры в проломленном черепе валил густой пар, похожий на белый дым.

Глава 2

ОСТРЫЕ УГЛЫ ОВАЛЬНОГО КАБИНЕТА

Белый дом был официальной резиденцией всех президентов США, за исключением Джорджа Вашингтона, который занимал этот пост с 1789 по 1797 год.

Он представляет собой особняк в палладианском стиле (архитектор Джеймс Хобан). Строительство началось в 1792 г., окончилось 1 ноября 1800 г. В этот же день первым его хозяином стал второй президент США Джон Адамс.

В Белом доме шесть этажей: два цокольных, два для общественных приемов и два для семьи президента. Посетители, приходящие в Белый дом на экскурсию, имеют возможность увидеть самые красивые и исторические помещения, включая Восточную комнату, Зеленую комнату, Голубую комнату, Красную комнату и Столовую для официальных мероприятий. Эти помещения используются президентом и первой леди для приема гостей и руководителей из других стран. В Овальном кабинете президент осуществляет свою деятельность по управлению страной.
Из свободной энциклопедии «Википедия»

Любой, кто внимательно разглядывал оборотную сторону двадцатидолларовой купюры, сразу узнал бы это здание, напоминающее по виду стандартный Дворец культуры, украшающий и поныне многие города Советского Союза. По сути своей это действительно был дворец, хотя к культуре имеющий отношение весьма отдаленное. И, как несложно догадаться, возведен он был не на территории СССР, а в Соединенных Штатах Америки, где, собственно, и имеют хождение доллары.

Называлось это здание Белым домом, и находилось оно в Вашингтоне по известному всем американцам адресу: Пенсильвания-авеню, 1600. Чтобы не путать свою столицу с одноименным штатом, они снабдили ее приставкой «Ди-Си», подразумевая округ Колумбия или District of Columbia.

В свое время Вашингтон Ди-Си был спроектирован французским архитектором таким образом, чтобы затмить блестящие европейские столицы и стать красивейшим городом Америки. Богатым воображением француз не отличался. В соответствии с его замыслом, у американцев получился просторный, зеленый и очень имперский город, чем-то смахивающий на предвоенный Берлин или Москву сороковых годов прошлого века. Небоскребов здесь нет, поскольку закон запрещает возводить строения выше купола здания конгресса на Капитолийском холме. Оно считается одним из символов США, а потому вокруг холма постоянно бродят толпы туристов.

Приезжих на улицах гораздо больше, чем коренных ва-
шингтонцев, которые проживают за чертой города, а приез-
жают сюда только на работу. Пока они вкалывают в своих
офисах как проклятые, туристы неспешно прохаживаются
по бесплатным столичным музеям, украдкой щупают кар-
тины в Национальной галерее, фотографируются на фоне
библиотеки конгресса или мемориала ветеранам Вьетнама.
Разумеется, каждый считает своим долгом побывать у под-
ножия 170-метрового мраморного обелиска, символизирую-
щего сверхчеловеческую стойкость первого американского
президента.

Почтительно, словно в храме или Мавзолее В.И. Ленина,
экскурсоводы рассказывают всевозможные истории из жиз-
ни Джорджа Вашингтона, среди которых особой популяр-
ностью пользуется байка про его самодельные деревянные
зубы. Вероятно, она была придумана для того, чтобы под-
черкнуть спартанскую неприхотливость Вашингтона, пото-
му что его настоящие зубные протезы, хранящиеся в балти-
морском Музее стоматологии, вырезаны из слоновой кости и
снабжены специальными золотыми пружинками. Крепления
эти причиняли сильные неудобства герою войны за незави-
симость, и, скорее всего, его неулыбчивость была вызвана
именно болями в деснах, а не какой-то особой суровостью.

Но разве хочется думать о подобных пустяках, когда под-
нимаешься лифтом на вершину мемориала Джорджа Ва-
шингтона и там, со смотровой площадки, озираешь город,

названный в его честь, и легендарный Белый дом на зеленой лужайке. Сверху он кажется маленьким, и туристы, снующие вокруг, напоминают муравьев, облепивших кусок сахара.

Точно такая же картина открылась любопытному взору тем ноябрьским утром, когда Вашингтон постепенно согревался в лучах солнца после первых ночных заморозков. Туристы, переваривая съеденные за завтраком пончики, блинчики, тосты и традиционные яичницы с беконом, собрались перед входом в Белый дом. Каждому хотелось увидеть президента или даже сфотографироваться с ним в обнимку, но, разумеется, таких счастливчиков не оказалось. Приходилось довольствоваться историями, которые пересказывали гиды, да снимками знаменитого здания.

Описанное в проспектах как «особняк в палладианском стиле», оно не поражало взоры пышностью или особым изяществом форм. Просто большой шестиэтажный дом белого цвета, окруженный густой зеленью. Экскурсанты охали и ахали, переходя из Восточной комнаты в Зеленую, потом в Красную или в Столовую для торжественных приемов. Даже Овальная кабинет – святая святых и официальное рабочее место президента – временами открывал свои двери для посетителей. Находилось немало желающих осмотреть помещение, в котором «большой папочка» Билл обучал практикантку Монику азам качественного орального англосаксонского секса. К сожалению любознательных, экскурсантов пускали сюда нечасто. Да и вообще президенты после скан-

дала с испачканным платьем Моника перестали резвиться в Овальном кабинете, используя его сугубо по назначению.

Эта комната в западном крыле Белого дома действительно имела форму сплюснутого круга, диаметр которого в самой широкой части составлял примерно одиннадцать метров. Очень высокий, со стенами цвета топленых сливок и ковром, изображающим президентскую печать, Овальная кабинет золотился от солнечного света, вливавшегося в три окна, выходящих на юг. Дверь в сад была слегка приоткрыта, позволяя наслаждаться свежим воздухом и запахом роз, впервые посаженных еще при президенте Кеннеди. Нынешний президент, Джонатан Хусейн Браун-младший, в глубине души считал себя его преемником и делал вид, что наслаждается розовым ароматом.

Его самолюбие приятно щекотали замечания репортеров о наличии общих черт между ним и Кеннеди. Хотя это сходство обнаруживалось не столько в умении решать политические и социальные проблемы, сколько в манере одеваться. «Все начинается с малого» – как любил приговаривать один из имиджмейкеров Брауна. «Прежде чем стать большим политиком, Джон Ф. Кеннеди запомнился нации неповторимым стилем. После того как он явился на собственную инаугурацию без цилиндра, все мужчины страны отказались от этого головного убора».

«В таком случае, – сказал однажды Браун, – мне следовало появиться на инаугурации без штанов».

Разумеется, это была всего лишь шутка, потому что к своему гардеробу сорок четвертый президент Соединенных Штатов относился крайне щепетильно и, даже прогуливаясь с любимой собакой Бо, одевался так, будто собирался на прием. Благодаря ему в моду вновь вошли строгие однобортные костюмы и классические джемперы. Даже многие темнокожие тинейджеры сменили свои широкие джинсы и бейсболки на деловые брюки и рубашки с галстуками; ну а публика посOLIDней бросилась обзаводиться тысячедолларовыми костюмами «Харт Шаффнер Маркс», сшитыми по мерке Джонатана Брауна. Всем хотелось носить пиджаки с такими же мягкими линиями плеч и удлиненные брюки, лежащие на ботинках элегантными складками.

Модельеры, не сговариваясь, объявили, что 47-летний Джонатан Браун обладает практически идеальной модельной фигурой. Донателла Версаче даже создала посвященную ему уникальную коллекцию.

Этим погожим осенним утром Браун надел темно-синий костюм, одноцветный бордовый галстук, завязанный характерным узким узлом, белую сорочку и черные туфли. Традиционного значка в виде американского флага Браун не носил с тех пор, как однажды публично заявил, что этот символ был дискредитирован предыдущей администрацией. На его запястье поблескивал браслет с серебряной гравировкой, который преподнесла ему мать погибшего в Ираке солдата. Другую руку украшал стильный хронограф «Джордж Грэй

6500», подаренный Брауну секретной службой. Произведенный в Китае, он стоил всего двести баксов, что выглядело скромно и демократично, ведь часы этой марки мог позволить себе каждый рядовой американец.

Вполне довольный собой и своим внешним видом, Браун сидел за большим письменным столом спиной к окнам, и тень его, более темная, чем он сам, падала на разложенные бумаги. Прямо напротив него размещался камин, у которого любил сиживать Кеннеди. Но 35-й президент вряд ли узнал бы кабинет, если бы решил полюбоваться своим прежним рабочим местом с того света. За минувшие годы здесь многое изменилось. Подобно всем своим предшественникам, Джонатан Браун тоже велел изменить интерьер в соответствии со своими вкусами и предпочтениями. Были вынесены из кабинета и возвращены своему законному владельцу, Джорджу Бушу-младшему, фарфоровые тарелки. Их место на полках заняли четыре керамических сосуда, позимствованные по распоряжению Брауна из Музея американских индейцев. Вместо бюста Уинстона Черчилля появилась голова чернокожего правозащитника Мартина Лютера Кинга, а дополнением к ней служила программа его знаменитой мартовской речи 1963 года «У меня есть мечта».

У Брауна тоже была мечта, даже не одна.

Вопреки расхожему мнению американской прессы, мечта эта не имела никакого отношения к техническому прогрессу. Да, по распоряжению Брауна Овальный кабинет по-

полнился технической литературой и моделями всевозможных изобретений, которые сотрудники администрации одолжили у Национального музея американской истории. Однако с таким же успехом можно было судить о пристрастиях президента, например, по вазе с яблоками и коробке конфет «M&Ms». Или по полотнам импрессионистов на стенах кабинета.

По правде говоря, Браун был равнодушен и к картинам, и к сладостям. На первом месте для него стояла собственная семья. Фотографий родных и близких было в кабинете так много, что, не уместаясь на письменном столе, они заняли почетное место на специальной полке за левым плечом Брауна. По большей части цветные, в красивых рамочках, некоторые под стеклом, чтобы защитить драгоценные снимки от мух, которые безнаказанно проникали даже в святая святых американской политики.

Примерно четверть фотокарточек была посвящена детству юного Джонатана на Гавайях, в Кении и Индонезии. Память о студенческих годах запечатлели групповые снимки в Западном колледже Лос-Анджелеса и Колумбийском университете. Но центральные места экспозиции были отведены жене Брауна, Мишелин, а также двум дочерям, в которых он души не чаял, – Малше и Сашии.

Злые языки утверждали, будто бы фотографии жены и дочек служили американскому президенту ширмой, за которой таилось его грязное гомосексуальное прошлое. Об этом по-

ведал миру бывший разведчик Ларри Синклер, утверждавший, что Джонатан Браун знакомился с геями не только в специализированных клубах, но и в раздевалках баскетболистов. Этот же мистер Синклер написал в своей книге, что сам делил постель с Брауном, когда тот был еще сенатором, и, восстанавливая силы после бурных свиданий, они баловались кокаином.

Белому дому в тот раз с трудом удалось погасить скандал и выставить Ларри Синклера лжецом, разоблачения которого гроша ломаного не стоят.

Тогда на авансцену вышел гораздо более осведомленный персонаж, некий Уэйн Мэдсен – специалист по журналистским расследованиям, постоянно выступающий в телепередачах Си-би-эс и Эй-би-си. В свое время он был сотрудником разведки военно-морских сил, позже работал в Администрации по национальной безопасности, был посвящен во многие закулисные игры Белого дома, поэтому к дискредитации президента подошел более профессионально. В частности, представил доказательства того, что Браун был завсегдатаем бань гей-клуба «Мэнс Кантри Чикаго».

Соотечественники, решившие разузнать, что представляет собой заведение, прочли на сайте клуба: «Это чистое и безопасное место отдыха, общения с лицами, разделяющими ваши увлечения, для просмотра порно и игр». Аренда стандартных номеров в «Мэнс Кантри Чикаго» стоила достаточно дешево, а кроме того, здесь можно было снять комна-

ту, выдержанную в стиле почитателей садо, мазо, готики или просто вестернов. Установить, в каком интерьере предпочитал расслабляться сам Браун, не удалось, однако и без того скандал разгорелся нешуточный. Вот когда Овальный кабинет начал стремительно пополняться все новыми и новыми семейными фотографиями президента.

Подконтрольные Вашингтону массмедиа сделали все, чтобы представить Джонатана и Мишелин Браун идеалом современной супружеской пары. Они завели привычку прилюдно обниматься и признаваться друг другу в любви. Их воспоминания о первом свидании и прочих романтических эпизодах сделались главной темой многих журналов и ток-шоу. Заняв пост президента, Браун сказал, нежно поглядывая в сторону жены: «Я не принимаю ни одного важного решения, не посоветовавшись с ней». Она, в свою очередь, охотно пооткровенничала с репортерами: «Мы стараемся устраивать романтический ужин каждую пятницу или субботу, а выходные проводим с нашими девочками».

Это была не единственная причина, по которой брак Джонатана Брауна можно было считать удачным. Кроме того, что Мишелин спасала имидж президента, она следила за тем, чтобы он всегда был одет с иголочки, аккуратно пострижен и производил впечатление успешного человека, хотя и живущего по средствам. Она прививала ему хорошие манеры, правильные вкусы и увлечение писательством. Именно Мишелин отучила мужа говорить, что он любит только джа-

зовых исполнителей, и убедила его оповестить мир, что он также знает о существовании Стиви Уандера и Пола Маккартни. Это она, словно коршун, дожидалась момента, пока муж достанет из кармана сигарету, чтобы обрушиться на него с попреками и удручающими статистическими данными о продолжительности жизни курильщиков.

Одним словом, Мишелин была ангелом-хранителем Джонатана Брауна. В этот непростой для себя день он многое отдал бы за то, чтобы она находилась рядом. Но голос секретаря, раздавшийся в динамике, объявил о появлении совсем других людей:

– Генерал Джеймс Джонсон и миссис Хеллари Хиллтон.

Первый являлся советником президента по национальной безопасности и главнокомандующим вооруженными силами США в Европе. Кроме того, генерал входил в совет директоров компании «Боинг», считался одним из главных стратегов НАТО и водил дружбу со Збигневом Бжезинским.

Сопровождала его супруга экс-президента, государственный секретарь США, начавшая долгое восхождение по карьерной лестнице в качестве секретного агента ЦРУ по внедрению в антивоенное движение при Йельском университете. Поговаривали, что Хеллари Хиллтон была важным звеном в цепи высокопоставленных поставщиков наркотиков в Америку, однако подобные слухи были достоверны не более чем слухи о том, что президент США является геем. Во всяком случае, ни Браун, ни Хиллтон не потрудились высту-

пить с публичными опровержениями. Точно так же, как генерал Джонсон не опровергал слухи о том, что пользуется служебным положением для лоббирования интересов «Боинга». Все трое были опытными политиками и знали, что оправдываться – значит косвенно признавать свою вину.

Никакой вины они за собой не чувствовали и не признавали. Так зачем попусту сотрясать воздух?

Встречаясь, эти трое, как и остальные приближенные к власти люди, всегда помнили о том, что без поддержки друг друга они недолго продержались бы на своих постах. И Хеллари Хиллтон, которая всякий раз входила в Овальный кабинет с таким выражением лица, будто опасалась увидеть или унюхать здесь нечто непристойное. И генерал Джонсон, регулярно подвергавшийся нападкам со стороны различных политических сил за непоследовательность в отстаивании интересов национальной безопасности мировой державы номер один. И вставший из-за стола Джонатан Браун, 44-й по счету и первый темнокожий президент Соединенных Штатов Америки. Ему было ровно 49 лет, и ровно 49 процентов соотечественников одобряли его действия. Собственный возраст представлялся ему довольно небольшим, а рейтинг – достаточно высоким.

– Рад видеть вас, друзья, – воскликнул он своим знаменитым бархатным баритоном, встречая визитеров в центре кабинета.

Здесь не было отдельного стола для совещаний, так что

все устроились в мягких креслах, развернутых друг к другу. Обстановка получилась доверительная. Особенно когда, обменявшись любезностями, Браун, Джонсон и Хиллтон приступили к обсуждению чрезвычайно важного вопроса, ради которого они, собственно, и собрались.

В начале разговора миссис Хиллтон полностью отдала инициативу генералу, ограничиваясь многозначительными кивками, внимательными прищурами и строгим поджиманием губ. Она была одета в дорогое красивое платье, подчеркивающее ее женственность. Мужественность пусть демонстрируют другие, думала она. И помалкивала, слушая речь генерала Джонсона.

Тот коротко доложил о подготовке к полярной экспедиции военной подводной лодки «Уайтшарк» SSN-666 типа «Стерджн». Экспедиция «Белой акулы» понадобилась для того, чтобы обозначить присутствие Соединенных Штатов в Арктике, поскольку своих дрейфующих станций они там отродясь не имели. Подобно своим предшественникам, Джонатан Браун лично курировал «арктические вопросы». Акватория Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему морей считалась перспективным и наиболее вероятным районом боевого применения многоцелевых атомных субмарин американского флота.

– Одной из задач экспедиции, – монотонно вещал генерал, – является сбор данных о мелководных районах российского сектора Арктики. Это позволит нам создать мобиль-

ные тактические единицы, которые можно было бы в случае необходимости мгновенно развернуть вблизи побережья России.

– О'кей. А как обстоят дела с пополнением флота субмаринами типа «Вирджиния»? – строго спросил президент, неплохо подготовившийся к совещанию.

– Их количество возросло на шестьдесят восемь процентов, – доложила миссис Хиллтон, тоже не желая ударить в грязь лицом.

– Должно быть семьдесят, – тут же отреагировал Браун.

– В следующем месяце будет семьдесят, – успокоил его Джонсон. – Все дополнительные субмарины поступают в 5-ю эскадру, которой придана арктическая лаборатория подводных сил нашего флота. Но «Белая акула» – это нечто особенное. – Он покачал головой с мечтательно зажмуренными глазами. – Ее поход начнется с подледного плавания через Берингов пролив на глубине ста пятидесяти футов. Первое всплытие – в Чукотском море близ ледовой базы, разбитой к северо-западу от Пойнт-Барроу на Аляске. Там же к экипажу присоединится командующий подводными силами Тихоокеанского флота вместе с... – сделав короткую паузу, Джонсон позволил себе быструю комическую гримасу, – вместе с группой ученых, которые приступят к исследованию шельфа с помощью глубоководной аппаратуры. Во время второго всплытия на борт поднимется новая партия пассажиров, в том числе сенатор конгресса, заместитель министра оборо-

ны, начальник управления штаба по атомной энергетике и директор Национальной академии наук...

– Чтобы дружно зондировать морское дно эхолотами и гидролокаторами, – тонко улыбнулась Хеллари Хиллтон.

Президент Соединенных Штатов Америки шутливого тона не принял.

– Вынужден вас огорчить, друзья, – произнес он, – но путешествие «Белой акулы» отменяется.

– Как? – воскликнул Джонсон голосом сильно ушибшегося или поранившегося человека.

– Что вы сказали? – переспросила миссис Хиллтон, морщась так, словно у нее внезапно заложило уши.

– «Белая акула» никуда не поплывет, – отчеканил Джонатан Браун.

Его приближенные переглянулись.

Вот уже несколько лет США и Канада вели ожесточенную борьбу с Россией за Северный полюс. Передвигая по карте мира эскадры своего военного флота, американцы всячески демонстрировали всем остальным претендентам, что Арктика – составная часть их территорий, а потому никакие российские флаги на дне Ледовитого океана ничего не меняют. Протесты спецпредставителя президента России по Арктике Артура Чилингарова вызвали в штаб-квартире ООН один лишь злорадный смех. Там давно уже решили, что следует и дальше действовать в том же духе, чтобы в этом вопросе вывести Россию из политического равновесия. Но Джонатан

Браун по непонятной причине пошел на попятную.

Не в первый раз, между прочим. И генералу Джонсону это очень не понравилось.

– Господин президент располагает какой-то новой, особо важной информацией? – поинтересовался он, всем своим видом давая понять, что не верит в утвердительный ответ.

Но Джонатан Браун медленно и тяжело наклонил голову, казавшуюся из-за солнечного света, бьющего ему в спину, совершенно черной, совсем как та, что принадлежала скульптурному Мартину Лютеру Кингу.

– Да, – тихо, но отчетливо произнес он. – Я располагаю абсолютно новой и крайне важной информацией, вынуждающей меня сделать следующие распоряжения. – Браун признательно кивнул Хеллари Хиллтон, включившей диктофон своего айфона. – Итак, «Белая акула» и ледокол «Хили» остаются в доках. Океанографическая экспедиция НАСА откладывается на неопределенный срок. И еще. – Он помолчал, подчеркивая значимость того, что намеревался сейчас сообщить. – Мы сегодня же прекращаем поисково-разведочное бурение на дне Северного Ледовитого океана.

Это прозвучало как гром среди ясного неба.

– Но почему, черт подери? – воскликнул генерал Джонсон, забывший о субординации.

– Да, господин президент, мы требуем объяснений, – поддержала его миссис Хиллтон.

Они не просили, они требовали. Мягко улыбнувшись,

Джонатан Браун пообещал себе припомнить этот случай обоим, хотя недовольных эмоций на его лице было не больше, чем на тефлоновой сковородке или хорошо пропеченной овсяной лепешке.

– Пожалуйста. – Он развел руками, давая понять, что ничего не скрывает от своих ближайших помощников. – Сейчас вы услышите то, что я узнал от директора разведывательного управления Департамента обороны пару часов назад. Вице-адмирал Джейкобс недвусмысленно дал понять, что мы вынуждены на время прекратить всяческую деятельность в Арктике во избежание войны или даже ядерного удара.

– Ядерного удара? – Щеки миссис Хиллтон посерели и обвисли, состарив ее минимум на лишний десяток лет. – Кто его может нанести? Иран? Северная Корея? Китай?

– Россия, – просто ответил Браун.

Пальцы на обеих руках генерала Джонсона непроизвольно согнулись на манер лапок пары гигантских пауков, изготовившихся к нападению на свою жертву.

– Повод? – коротко спросил он.

– Повод имеется. И достаточно веский. – Президент Браун прикоснулся к нагрудному карману пиджака, в котором хранились две припрятанные сигареты. Ему страстно хотелось закурить, но, памятуя печальный опыт одного из своих предшественников, он отдавал себе отчет, к чему может привести невоздержанность в стенах Овального кабинета.

– Вы готовы его назвать? – спросила миссис Хиллтон.

Браун кивнул.

– Но сначала покончим с делом, которое мы не завершили. – Он перевел взгляд на миссис Хиллтон. – Прошу вас объявить запрет на бурение скважин в Арктике так, словно мы не хотим новой утечки нефти, как это было в Мексиканском заливе. Слово это вызвано опасением новой экологической катастрофы, понимаете?

– Парни из «Шелл» просто взбесятся, – напомнил генерал.

– Это грозит им огромными убытками, – сказала миссис Хиллтон, которую как госсекретаря это не должно было волновать ни в малейшей степени. – Они подадут на нас в суд.

– В этом случае мы натравим на них экологов и возместим все свои потери с избытком, – усмехнулся Браун. – «Зеленые» припомнят им всех загубленных китов, белых медведей, моржей и котиков. Не знаю, водятся ли на Северном полюсе медузы, но если да, то и за них будет выставлен счет. Будьте уверены, «Шелл» предпочтет проглотить пилюлю молча.

– Допустим, – согласился Джонсон. – Но Россия? Чем она недовольна?

– Прошу подойти сюда. – Поднявшийся с кресла Браун вернулся к письменному столу и развернул компьютер таким образом, чтобы монитор хорошо был виден его ближайшим сотрудникам.

Каждое его движение было исполнено грации, и, прежде чем взглянуть на монитор, миссис Хиллтон смерила Брауна оценивающим взглядом. Этот темнокожий мужчина раздражал ее как политик, но она отдавала должное его безупречному вкусу и умению одеваться.

На ее памяти Джонатан Браун совершил всего три недопустимые имиджевые ошибки. В первый раз, когда выехал на велосипедную прогулку в голубых джинсах, теннисной майке, кроссовках и... черно-белых носках, которые многочисленные обозреватели посчитали просто безвкусными. Во второй раз бурю эмоций вызвали просочившиеся в Интернет фотографии, где президент был запечатлен во время посещения исторической родины, не придумав ничего забавнее, чем предстать перед объективами в полном облачении кенийского старейшины с нелепым тюрбаном на голове. В третий раз Браун попал под обстрел модных критиков, натянув коротковатые джинсы при посещении бейсбольного матча. Злополучные «Ливайз» из-за своего странного покроя были окрещены «мамочкиными джинсами» и стали темой номер один в гламурных изданиях. Оправдываясь, Браун не без кокетства заявил: «Ненавижу шопинг, а эти джинсы очень удобные. Тем из вас, кто хочет видеть своего президента красавчиком в обтягивающих джинсах, должен сказать – извините, но я не из таких».

В тот раз Хеллари Хиллтон мысленно поаплодировала боссу за умение обратить провал в победу, но сегодня она

была настроена скептически. По ее мнению, несколько минут назад президент допустил четвертую ошибку, на этот раз непоправимую. Спасовать перед русскими? Это все равно, что подставить спину злобному медведю. Неужели он не понимает этого? Если же понимает, то чем вызвано его поведение? Намерением проигнорировать интересы нации или чем-то еще?

Как замороженная, Хеллари Хиллтон приблизилась к компьютеру и уставилась на экран с мелькающими на нем фото-снимками.

– Я намерен, – доносилось до ее слуха, – продемонстрировать вам серию фото, сделанных с наших спутников. Перед вами российская дрейфующая станция «Северный полюс-47». Фотографии делались в различных режимах, с различным увеличением и под разными углами. Мне отобрали два десятка наиболее выразительных. Если кому-то из присутствующих... – взгляд Брауна устремился на побледневшую миссис Хиллтон, – если кому-то из присутствующих будет тяжело смотреть снимки, то делать это не обязательно. В принципе, все предельно ясно и без иллюстраций, – Браун издал нервный смешок. – Полтора десятка российских полярников убиты. Все до одного. Мужчины, женщины...

– Они раздеты догола, – пробормотал генерал Джонсон, склоняясь над экраном. – На этом ужасном морозе. What's the fuckin' fuck!

– Среди вас леди, джентльмены, – напомнила Хиллтон.

Браун снова криво улыбнулся и виновато развел руками.

– Специалисты утверждают, что почти все умерли от переохлаждения, – сказал он. – Лишь некоторые тела лежат отдельно и носят следы огнестрельных ранений. Остальных заставили снять одежду и бежать. Чем-то это напоминает методы нацистов во время Второй мировой войны. Мне рассказывали, что они проделывали нечто подобное в своих лагерях для военнопленных. Самый известный случай произошел с русским полковником или генералом... генералом...

– Каким? – нервно спросил генерал Джонсон.

Миссис Хиллтон неодобрительно покосилась на него.

– Его фамилия была Карбушефф, кажется, так. Бедолагу облили водой на сильном морозе. Он превратился в ледяную статую.

– Будь я проклят, – процедил Джонсон, разглядывая страшные снимки, один за другим сменявшие друг друга на экране. – Тут и в самом деле поработали какие-то звери на двух ногах. Облить генерала на морозе – только фашисты способны на такое. Звери, настоящие звери.

– Демонстративная жестокость, – прокомментировала миссис Хиллтон, качая головой. – Их не просто убили. Их унизили. Это вызов России, плевок в лицо. Как отреагировали русские?

– Пока никак, – ответил Браун мрачно, – но нетрудно представить себе ярость Кремля. Вот почему я распорядился остановить буровые работы и задержать начало нашей экс-

педиции. Я не хочу, чтобы малейшая тень подозрений упала на Америку. Не будем привлекать к себе внимание. Мы должны показать, что не имеем никакого отношения к кровавой бойне на льдине.

В этот момент какая-то тень пробежала по лицу Джона Брайана, придав ему оттенок гораздо более темный, чем тот, к которому привыкли окружающие. Если бы не смятение, охватившее его соратников, они бы непременно отметили про себя этот штрих. Но их мысли и чувства были заняты иным. Фотографии произвели на них неизгладимое впечатление.

Миссис Хиллтон выпрямилась и, цепляя каблуками ковер, возвратилась на то место, где сидела, пока президент не пригласил ее к компьютеру. Ее изящная прическа смотрелась растрепанной и потускневшей. Было очевидно, что увиденное потрясло ее до глубины души. Забросив ногу на ногу, она помолчала с закрытыми глазами, а потом разлепила сморщенные, потрескавшиеся губы, чтобы произнести два коротких слова:

– Это война.

Похоже, генерал Джонсон думал точно так же, но перспектива его не удручала, а, наоборот, привела в возбужденное состояние.

– Вопрос, – произнес он, обходя Овальный кабинет по кругу с заложенными за спину руками. – Если наша космическая разведка вела наблюдение за русской станцией, то нет

ли в наличии фотографий, по которым можно установить национальность нападавших?

– Съёмки велись в автоматическом режиме, – пояснил Браун. – Фотокамеры заработали только после того, как датчики зафиксировали вспышки выстрелов.

– Разве наши спутники не реагируют на всякое движение? – капризно осведомилась миссис Хиллтон.

– В этом случае наша разведка утонула бы в лавине фотографий тюленей и моржей, – ответил генерал Джонсон, продолжая расхаживать по кабинету.

– То же самое мне сказал вице-адмирал Джейкобс, – кивнул Браун. – Спутникам понадобилось некоторое время, чтобы снизиться и изменить орбиту, так что главного они не засняли. Но, думаю, это ничего бы не дало. Нападавшие были одеты в белые маскировочные костюмы и маски. Их было восемь. Они прибыли на самолете, который потом унес их в неизвестном направлении.

– Неприятная ситуация, – сказала Хеллари Хиллтон, морщась.

– Хуже некуда, – подтвердил Джонсон, но не трагически, а скорее с каким-то воодушевлением.

– Признаюсь, друзья, – вздохнул Браун, – предстоящий разговор с Силиным заставляет меня испытывать сильнейший стресс.

Хиллтон недоуменно уставилась на него:

– Почему с Силиным? С Астафьевым, может быть?

– Ну да, ну да... Хотя никто не знает, как все обернется. – Браун пожал плечами. – Вы знаете, друзья, что недавно я направил письмо Астафьеву, в котором пообещал отказаться от размещения элементов ПРО в Европе в обмен на содействие России в решении иранской ядерной проблемы. Но ответ мне дал Владлен Силин. В устной форме. На саммите «двадцатки» в Лондоне. Подошел во время ланча и как бы невзначай сообщил, что Россия может разместить в Калининградской области ракетные комплексы «Искандер», а также подразделения радиоэлектронного подавления наших ПРО. «С Ираном, – сказал он, – мы вам, конечно, поможем, но это вопрос отдельный, никак не связанный с американскими ракетами в Чехии и Польше». Хитрец. Из него получился бы отличный бизнесмен. Никогда не упускает выгоду своей корпорации под названием Российская Федерация...

Произнеся эту тираду, Браун начал огибать стол, чтобы сесть подле Хеллари Хиллтон, когда приглушенный телефонный звонок заставил его остановиться.

– Кремль, – сказал он, указывая на красный телефон.

Это было не совсем так. Звонили не из Кремля и даже не из Москвы. Но в общем и целом Браун оказался прав. На прямую связь с ним вышел человек, ассоциирующийся у всех с московским Кремлем.

Анатолий Дмитриевич Астафьев.

Глава 3

ОДИН НА ВЕРШИНЕ

*В нашей стране среди людей существует недоверие и к Америке, и к другим странам Североатлантического альянса, некоторым другим крупным мировым игрокам. С чем это связано? Это связано с нашей историей, с нашим восприятием друг друга. Мы с вами помним, что было в советский период. Это же набор взглядов, набор представлений друг о друге. Вспомните, что нам говорили в школе в отношении американцев, в отношении европейцев! Это была абсолютно идеологическая позиция. Она была неверной или, во всяком случае, верной далеко не во всем. Она преследовала вполне очевидные цели, чтобы мы рассматривали тех, кто живет там, в качестве наших врагов. Это способ поддерживать эффективность управления в государстве, в том числе добиваться каких-то политических задач...
Из интервью Дмитрия Медведева газете «Известия», 2010 год*

*Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после.
Еккл.1:10-11*

Президент Российской Федерации любил, когда массмедиа изображали его за работой – эффективным, целеустремленным, компетентным руководителем. Проверенные журналисты, доказавшие свою лояльность власти, всегда могли рассчитывать на то, что будут допущены в рабочий кабинет Анатолия Астафьева, где он обязательно выкроит несколько минут для интервью. Не отказывал он во внимании и телевизионщикам, чуть ли не ежедневно снимавшим его во время бесед с подчиненными. А вот допускать репортеров в свою личную жизнь Астафьев избегал, поскольку, несмотря на всемирную популярность, искренне считал, что это удел лишь звезд кино или поп-музыки. Какое кому дело, как он проводит свободное время, с кем общается, что ест, что пьет, чем дышит и сколько, к примеру, тратит денег на содержание своей семьи?

Астафьев справедливо полагал, что политик его масштаба вправе рассчитывать на то, что спецслужбы оградят его от назойливого, пристального, утомительного внимания средств массовой информации. Его коробило, когда во время пресс-конференций какой-нибудь заграничный журналист-проныра встревал в серьезный разговор, чтобы задать вопрос не о внешней политике, не о реализации государственных программ, а о семейных отношениях Астафьева или его личных доходах. Далась им эти доходы!

Бегло просматривая почти каждый вечер комментарии посетителей своего блога, Астафьев всякий раз с горечью

убеждался, что россияне вместо того, чтобы интересоваться мировоззрением или устремлениями своего президента, всюду обсуждают его благосостояние. Такие вопросы, как «сколько Астафьев зарабатывает?», «где Астафьев живет?» и даже «нравятся ли Астафьеву натяжные потолки?», беспрестанно мелькали на любом интернет-форуме, будоража обывательское воображение.

Официальные данные о доходах президента РФ никого, кроме налоговиков, не удовлетворяли. В соответствии с ними зарплата Астафьева и гонорары за написание учебников приносили ему что-то около трех-четырёх миллионов рублей в год. Вместо того чтобы принять приведенные цифры к сведению, финансово озабоченные граждане зачем-то подсчитывали, сколько же это выходит в месяц, в неделю, в день.

Кто-то из любителей покопаться в «грязном белье» однажды с неописуемым восторгом обнародовал информацию о том, как, находясь в Красноярске, Анатолий Астафьев продрог, зашел в ближайший бутик и приобрел там меховое пальто из беляка стоимостью в полмиллиона с лишним рублей. Дело даже не в том, что охота на новорожденных детенышей тюленя была запрещена, и не в том, что российские чиновники бросились скупать аналогичные пальто по всей России. По мнению автора статьи, самое любопытное заключалось в том, с какой легкостью выложил почти шестьсот тысяч человек, на банковских счетах которого хранилось ровно 3 574 747 рублей, и ни копейкой больше.

Заявленная в налоговой декларации Астафьева «Победа» 1948 года выпуска вообще вызвала всеобщее веселье. Все это выглядело каким-то фарсом на фоне доходов ближайших помощников президента. Его представитель в Северо-Кавказском федеральном округе, небезызвестный Хлопонин, худо-бедно владел несколькими «Мерседесами», «Ягуаром», «Бентли», мотоциклом «Харли-Дэвидсон», яхтой «Фантом» и зарабатывал в год до 70 миллионов, умудряясь совмещать скромный семейный бизнес с ответственной государственной службой. Правда, министр промышленности и торговли Христенко переложил тяготы коммерции на плечи родных, «делающих» по шестьсот миллионов в год, зато другой министр, Трутнев, заботящийся о сохранности природных ресурсов России, «вкалывал» собственноручно, обеспечивая семье ежегодный доход в 150 миллионов.

Понятно, что в сравнении с этими деятелями финансовые успехи Анатолия Астафьева выглядели весьма скромными. И тогда, желая восстановить справедливость, доморощенные сыщики кинулись выяснять, как у президента Российской Федерации обстоят дела с недвижимостью.

И вот какой-то не в меру любопытный журналист пронюхал, что Анатолию Астафьеву принадлежит четырехкомнатная квартира в Санкт-Петербурге, а другие обнаружили две астафьевские квартиры в Москве, и пошло-поехало. Газеты со вкусом расписывали апартаменты президента на Тихвинской улице, перечисляли чуть ли не каждый квадратный

метр из общих 174 и гадали, случайно ли соседями Астафьева являются сплошь бывшие министры с запятнанной репутацией.

Вторая столичная квартира площадью под четыреста метров размещалась в элитном жилом комплексе «Золотые ключи» и стала вожаемым объектом для папарацци. Мировая сеть Интернета запестрила снимками четырех спален, трех унитазов, многоуровневых подвесных потолков, литых колонн из горного хрусталя, мраморных полов и многого другого, чего не увидишь на официальном сайте российского президента. Узнавая, что соседом Астафьева является сам патриарх Илларион и что квартплаты обоих уважаемых мужей составляют около пяти тысяч баксов в месяц, соотечественники чесали в затылках, спрашивая себя, а обязательно ли становиться пивным магнатом или банкиром, чтобы не знать нужды и ни в чем себе не отказывать?

Здравый смысл подсказывал, что нет, совсем не обязательно. Пост главы государства сулил куда больше льгот и привилегий, чем их может купить себе самый богатый олигарх.

Ведь, помимо вышеперечисленных квартир, Астафьев располагал еще множеством благоустроенных мест для временного и постоянного проживания. Это были резиденции, строившиеся и содержавшиеся за счет государственной казны. И резиденций этих насчитывалось не одна и не две.

Вскоре после вступления в должность Анатолий Аста-

фьев вселился на бывшую ельцинскую дачу на Рублевке, именуемую в служебной документации «Горки-9». Туда он перебрался с семьей из личной резиденции «Калчуга» в Одинцовском районе. Одновременно началось строительство спецдачи в Калининградской области, куда Астафьев намеревался наведываться не чаще, чем, скажем, в екатеринбургское поместье, самарский «Волжский Утес», карельскую «Шуйскую Чупу», валдайские «Долгие Бороды», тверское «Завидово», Константиновский дворец в Санкт-Петербурге либо старинный замок Майендорф под Москвой.

Куда Астафьев действительно любил выезжать, когда уставал от столичной суеты, так это на дачу близ Бочарова Ручья в Сочи. В многочисленных сметах и расходных статьях бюджета она так и называлась: «Бочаров Ручей».

Ее строительство началось в год смерти Сталина, а завершилось, когда Никита Сергеевич Хрущев уже полностью захватил рычаги власти. После него в резиденцию «Бочаров Ручей» наезжал Брежнев, а перед Астафьевым здесь часто бывал Владлен Силин, поскольку рядом проходила его любимая горнолыжная трасса.

Астафьев на лыжи становился лишь для телевизионных сюжетов, но в Сочи наведывался уже по той простой причине, что город готовился к зимней Олимпиаде. Ему нравилось отдыхать в сочинской резиденции, скрытой от посторонних глаз десятками гектаров буйной растительности. После распада СССР, с утратой Пицунды и Крыма это был последний

приют российских вождей на Черном море. Анатолий Астафьев осознавал важность «Бочарова Ручья» и приезжал сюда с особым чувством, заставлявшим его распрямлять плечи и горделиво скидывать голову.

Местные жители тоже дожидались этих визитов с нетерпением, поскольку наличие «Кремля под пальмами» обеспечивало их непыльной, постоянной, хорошо оплачиваемой работой.

Расположенная в уютном уголке на северо-западной окраине Сочи, резиденция почти не просматривалась со спутников. Для этого часть лесного массива оставили нетронутой, крыши покрыли серо-зеленой маскировочной черепицей, а вокруг территории установили мощные электромагнитные излучатели направленного действия. При приближении спутников-шпионов излучатели парализовали их электронную аппаратуру, так что президент России мог не опасаться слежек или покушений из космоса.

Проживал он обычно в красивом двухэтажном здании, построенном в стиле сталинского классицизма – с большими окнами, двухстворчатыми дверями и высокими потолками. Астафьев, обосновавшийся на втором этаже, принимал там гостей, работал и отдыхал, порой в гордом одиночестве, порой в кругу семьи, а когда и в доброй мужской компании. Интерьер, выдержанный в духе славных пятидесятых, прибавлял облику хозяина ту значительность, которой зачастую недостает современным политикам, людям суетным, мелоч-

ным, обуреваемым обычными человеческими страстями.

Не таков был Анатолий Дмитриевич Астафьев, хотя далеко не все и не сразу сумели распознать в нем ключевую фигуру современной истории, личность поистине мирового масштаба.

Что бы там ни шептали за его спиной, он действительно не пачкал рук сомнительными коммерческими сделками, всецело посвятив себя служению государству. И его налоговые декларации, вызывавшие недоверчивые смешки злопыхателей, были предельно честными и открытыми, в полном соответствии с его натурой. Что касается квартир и резиденций, то разве было бы лучше, если бы президент великой державы ютился в какой-нибудь убогой хрущевке или в спальном районе? Разве пристало ему, вершащему судьбы мира, перебиваться от зарплаты до зарплаты, выкраивая деньги на заслуженный отдых? Смешно даже подумать об этом. Смешно и горько...

Нападки левой и правой прессы огорчали Астафьева, как огорчали его и некоторые непочтительные комментарии, проскакивавшие в интернет-блоге. Однако, будучи человеком великодушным и благородным, он не опускался до мелочной мести своим обидчикам. Просто все больше замыкался в себе, подобно царю Соломону, открывшему, что от многой мудрости много скорби, а умножающий знание умножает печаль.

«Суета сует, – все суета... Что было, то и будет; и что де-

лалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем... Суета и томление духа...»²

В часы раздумий, молчаливый и неприступный, президент Российской Федерации прохаживался по парку со скульптурами в классическом древнегреческом стиле, блуждал по асфальтовым дорожкам, сбегаящим к пляжу, дышал насыщенным хвоей воздухом, рассеянно любовался пальмами и олеандрами, мерил шагами пустынные спортивные площадки, теннисные корты, лужайки для гольфа. Днем, когда солнце прогревало прозрачный ноябрьский воздух, Астафьева можно было застать в прибрежном домике для отдыха, окруженном шезлонгами и декоративными солнцезащитными грибочками. Сюда же была проведена правительственная связь, поэтому в любой момент Астафьев мог связаться с любой точкой России, с любой из столиц мира.

В тот час, когда Джонатан Браун проводил известное нам совещание в Овальном кабинете Белого дома, российский президент не сразу решился снять трубку, чтобы попросить соединить его с Вашингтоном. Разговор предстоял нелегкий. Настолько нелегкий, что Астафьев незаметно для себя ссутулился, словно атлант, уставший поддерживать небо на собственных плечах.

Оттягивая время, он вышел на террасу и стал наблюдать за далекими огоньками кораблей на горизонте. «Слова мудрых, высказанные спокойно, выслушиваются лучше, нежели

² Еклл. 1:2,9,14

крик властелина между глупыми»³, – снова вспомнил он Екклезиаста.

На душе не то чтобы потеплело, но стало светлее и покойнее. Смутно осязаемое чувство правоты сделалось отчетливым, мысли приобрели необыкновенную ясность. Это умение сосредоточиться и абстрагироваться от внешних обстоятельств как раз и сделало Астафьева тем, кем он стал.

За последние годы он сильно изменился внешне, но мало изменился внутренне. Похудел, приучился делать пробор над самым левым ухом, стал выглядеть немного более широкоплечим из-за особого покроя пиджаков. Целеустремленный же астафьевский характер остался прежним.

Сын потомственных интеллигентов, он всегда отличался мягкостью манер, и там, где другой мог сказать: «Хватит сопли жевать», Астафьев предлагал прекращать тянуть резину. Он никогда не был подающим надежды гребцом, штангистом или боксером, как пыталась внушить народу грубая кремлевская пропаганда. Если и были у него в детстве увлечения, так это фотография. Печатая снимки, он часами оставался в темноте и полном одиночестве, что вполне соответствовало его сдержанной, независимой натуре. Аскет? Отшельник? Нет, как вспоминала любимая учительница Астафьева, Вера Смирнова: «Его редко можно было застать на улице с ребятами. Походил на маленького старичка».

Эта постоянная молчаливость, отрешенность и умение

³ Еккл.9:17

держаться на заднем плане помогли будущему президенту сделаться любимцем Анатолия Собчака, который заведовал тогда кафедрой на юридическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Когда Собчак сделал стремительную политическую карьеру, Астафьев остался при нем. Сидел на телефоне, отвечал на звонки, пробивал лицензии на вывоз сырья для другого собчаковского любимчика, Силина, улаживал юридические недоразумения, утрясал вопросы с властями.

Наконец, с натугой защитив диссертацию, он приобрел некоторую самостоятельность, статус доцента и начал преподавать римское право. Студенты, недооценившие нового лектора, горько пожалели об этом, когда, жалуясь на личные обстоятельства, пытались вымолить себе зачет или удовлетворительную оценку на экзаменах. «Это ваши проблемы», – звучало в ответ. Коронная фраза Анатолия Астафьева, бесстрастно и холодно произносившего ее по нескольку раз на дню.

Возможно, эта отчужденность и нежелание подлаживаться под кого бы то ни было, жертвуя своими принципами, помешали ему стать успешным бизнесменом. А вот Силин оценил деловые качества Астафьева и в свое время перетащил с собой в Москву.

Долгое время казалось, что Астафьев – не лидер, а просто толковый и хваткий исполнитель, самое место которому в команде. Даже после назначения президентом он вос-

принимался лишь как ставленник предшественника, бледная тень Владлена Вадимовича. И лишь после молниеносно-победоносной войны с Грузией Астафьев был оценен по достоинству. Увенчанный лаврами триумфатора, он стремительно вырос в глазах соотечественников до поистине общегосударственных масштабов.

Его реальный рост – 162 сантиметра – перестал восприниматься как маленький для сильного, самостоятельного мужчины. И он не нуждался в высоких каблуках, как французский президент Николя Саркози, засекретивший свои физические данные.

Когда ты достигаешь вершины, тебе уже не страшны насмешки жалких людишек, толпящихся вокруг. Пусть обсуждают, пусть осуждают. Что взять с них, недалеких, не слышавших никогда поучения мудрого царя Соломона: «Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово твое, и крылатая – пересказать речь твою»⁴.

Усмехнувшись, Астафьев повернулся к горничной, неслышно появившейся на террасе и остановившейся в отдалении, не отваживаясь нарушить его уединение.

– Что вам, Дашенька? – спросил он ласково, но без игривости.

– Может быть, чаю? – пролепетала смутившаяся горничная.

⁴ Еккл.10:20

– Благодарю, не надо.

– На улице прохладно. Не простудились бы, Анатолий Дмитриевич.

Астафьев не ответил, опустив взгляд на кошку, трущуюся у ног горничной. Заметив это, она покраснела и вскрикнула, скорее жалобно, чем сердито:

– Брысь, брысь!

Подняв виноватые глаза на своего хозяина, она покраснела еще сильнее и, запинаясь, стала оправдываться:

– Понятия не имею, как Мурке удалось пробраться в дом. В первый раз ее вижу, честное слово.

– Тем не менее знаете, как ее зовут, – заметил Астафьев.

– Ч-что?

Горничная совсем потеряла голову от страха. Чтобы успокоить ее, Астафьев мягко произнес:

– Не волнуйтесь, Дашенька. Я не имею ничего против кошек. У меня дома живет Дорофей, большой любитель сметаны и послеобеденного отдыха на мягкой подушке. Голубоглазый, породы «невская маскарадная». – Астафьев нахмурился. – В свое время Дорофею здорово досталось от горбачевского кота. Пришлось пичкать его антибиотиками, а потом вообще кастрировать.

– Никогда не слышала о такой породе, – пискнула горничная. – Горбачевская...

– Это не порода, это был кот Горбачева.

– Михаила Сергеевича?

– Его, Дашенька. – Астафьев решил, что уделил горничной достаточно времени, а потому, повернувшись к ней спиной, вдруг сменил тон и отчеканил: – Чаю не надо, ничего не надо. Мурку – с глаз долой, из сердца вон. Еще раз увижу, уволю. В смысле вас, а не кошку.

– Но я ее не приманиваю... Она сама...

– Не мои проблемы.

Так и не обернувшись, Астафьев снова уставился на далекие огоньки, мерцающие на ночном горизонте. Он не был жесток и действительно любил животных, но при этом не мог допустить, чтобы всякие приبلудные кошки шлялись по его апартаментам. Даже собственным собакам Астафьева – английским сеттерам Джоли и Дэниелу, ретриверу Альдо и среднеазиатской овчарке – запрещалось приближаться к нему в часы раздумий.

Мысли о собаках напомнили Астафьеву о доме, и, поколебавшись, он достал из кармана мобильник, чтобы позвонить сыну. С женой Светланой он успел переговорить сегодня уже трижды. Первая школьная любовь президента России, с годами она не растеряла для него своего очарования и всегда была рядом. Еще в молодости многие из его полезных деловых контактов наладила именно она, милая красавица Светлана. Она же всю жизнь заботилась о внешнем облике своего высокопоставленного супруга, выводила его в свет, обучала азам йоги и настаивала, чтобы он хотя бы изредка посещал спортзал и бассейн. Если бы в России сохранилась

монархия, то она бы, несомненно, стала царицей не по протоколу, а по сути своей, по призванию.

Что касается «царевича», четырнадцатилетнего сына Астафьевых, то парень иногда огорчал отца. Вот и сейчас, услышав голос Ильи в своем «яблочном айфоне», Анатолий Астафьев различил на заднем плане ритмичную, однообразно ухающую музыку. «Как в дискотеке, – подумал он. – Вечно слушает всякую дребедень. То попса, то рэп. Ни одной записи старого доброго рока. Разве что Битлов может послушать, да и то для отвода глаз».

– Добрый вечер, – поздоровался он. – Не слишком ли громко музыка у тебя играет, Илья? Маме не мешает?

Сын рассмеялся:

– Ну ты даешь, отец! Нас четыре комнаты разделяет... Нет, пять.

– И все же приглушил бы ты звук. Не забывай о соседях.

– Очень ты о них помнишь, когда своих «перплов» и «саб-батов» крутишь.

– Не перечь отцу.

Астафьев почувствовал, что начинает заводиться. Причиной повышенной раздражительности были не реплики сына, а те новости, которыми огорошил Астафьева шеф Службы внешней разведки. Угнетал также неминуемый разговор с американским президентом.

Не подозревающий о том, как тяжело приходится его отцу, Илья буркнул:

– Как скажешь, папа. Все, музыку я выключил. Еще что-нибудь?

Нормальная реакция нормального тинейджера. И с какой стати он должен боготворить Яна Гилана, когда в мире так много других певцов, знаменитых и современных?

– Ладно, не дуйся, – примирительно произнес Астафьев. – Слушай что хочешь и когда хочешь, только не на всю катушку. И не в ущерб учебе.

– Ну пап, – заговорил Илья, – я уроки давно сделал, книгу почитал и даже мяч погонял немного. Ты же знаешь, меня опекать не надо.

– Надо, Илюша, надо. Например, от компьютера тебя за уши оттаскивать приходится.

– А кто меня на игры подсадил? Не ты ли?

Астафьев смущенно фыркнул. Илья легко парировал его выпады и наносил ответные, неотразимые удары.

– Было дело, – признался Анатолий Дмитриевич.

– То-то, – засмеялся Илья. – Но я не больше двух часов в день играю, не волнуйся. Все под контролем.

– «Мафия»?

– Нет, папа. Недавно новинка вышла. Про климатическое оружие. «Властелин сезонов» называется. Или «Повелитель».

– Вот как? – насторожился Астафьев.

– Американцы выпустили, – беззаботно продолжал Илья. – Слушай, пап. А правду говорят, что августовская ду-

шегубка в Москве – их работа? Мол, у них какая-то хитрая станция на Аляске. «Херш», что ли.

– «ХААРП», – машинально поправил Астафьев.

– О, точно! Там у них на Аляске сорок гектаров земли антеннами утыканы, двадцатиметровыми. И передатчики сверхмощные установлены. Это и есть климатическое оружие. Хоть жару несусветную в центре России устраивай, хоть цунами на Таиланде, хоть землетрясение в Китае.

– Интересно, каким образом?

Недоверчиво хмыкнув, Астафьев обратился в слух. Неужели разговоры о «ХААРПЕ» распространились так быстро и так далеко? Похоже на то. Даже подростки об этом знают и со спокойной душой играют во властелинов погоды.

– Ну, в игре я создаю зоны высокого давления, – сказал Илья, – с помощью спутниковых лазеров на орбите. Антициклоны внутрь не пускаю, зато накачиваю туда разогретый воздух из соседних районов. Население в панике, армия деморализована, урожаю каюк...

«Примерно так», – подумал Астафьев.

– Вздор, – сказал он. – Никакого климатического оружия в природе не существует. И вообще оно запрещено.

– Как же может быть запрещено то, что не существует? – изумился Илья.

Астафьев, изучивший на днях секретный доклад аналитиков военно-воздушных сил США, промолчал. В докладе недвусмысленно говорилось о том, что к 2025 году Со-

единенные Штаты намерены подчинить себе погоду на обоих полушариях планеты. Подчинить полностью, невзирая на протесты союзников и тем более соперников.

– Если кто-то что-то знает в нашей стране наверняка, – сказал Астафьев, – то это я, поверь мне, мой мальчик. И я со всей ответственностью заявляю тебе: аномальная жара не была вызвана никакими сверхъестественными причинами. Американцы тут ни при чем.

– И вообще они наши лучшие друзья, – скептически продолжил Илья.

– Представь себе, да. – Вспомнив про предстоящий звонок Джонатану Брауну, Анатолий Астафьев снова помрачнел, хотя интонации его по-прежнему были уверенными и бодрыми. – В последнее время между Россией и США нет никаких недоразумений. – Перед мысленным взором Астафьева возникли голые окровавленные тела полярников, распростертые на снегу. – Заруби себе это на носу – и, вместо того чтобы слушать всяких сплетников, послушай, наконец, нормальную группу.

– Американскую? – съехидничал Илья.

– Лучше британскую.

– Разве англичане круче?

– Да.

– А русские?

– Русский рок – это все равно что китайская опера, – сказал Астафьев, забывавший о патриотизме, когда речь шла о

роке. – Слушай британцев. И выбрось «ХААРП» из головы, это тебе мой добрый совет. Современным молодым людям не пристало уподобляться старушкам на скамейке.

Илья, похоже, почувствовал себя задетым.

– Но весь Интернет набит статьями про климатическое оружие, – начал он.

– А также рассказами о мировом заговоре, летающих тарелках, конце света и прочей чертовщине, – закончил за сына Астафьев. – Все, тема закрыта. Извини, у меня много дел. До завтра.

Дождавшись, пока сын попросается, он выключил телефон, спрятал его в карман и облокотился на перила. Небо очистилось от облаков, и теперь там блистало столько звезд, что огоньки кораблей на рейде совершенно затерялись среди них. Плохо верилось, что если устремиться по воздуху над морем на запад – туда, куда направлен взгляд, – то через некоторое время мрак начнет рассеиваться, превратится в сумерки, а потом и вовсе сменится утренним светом. Продолжая смотреть в темноту, Астафьев увидел Вашингтон, Белый дом, Овальный кабинет, куда ему не так давно любезно предложили заглянуть перед переговорами на втором этаже. Наверняка Джонатан Браун сидел сейчас на своем рабочем месте, занимаясь важными государственными делами. Включен ли в расписание дня вопрос об уничтожении российской полярной станции?

Это предстояло выяснить. С минуты на минуту. И ничего

хорошего от предстоящего разговора Астафьев не ожидал.

Глава 4

ОТ СОЧИ ДО ВАШИНГТОНА

Под президентской связью понимается специальная электрическая связь, предназначенная для обеспечения осуществления Президентом Российской Федерации своих конституционных полномочий.

В соответствии с этим он наделяется следующими видами президентской связи:

– шифрованная, конфиденциальная и открытая телефонная связь, в том числе прямая международная телефонная связь с главами государств и главами правительств зарубежных государств, установивших на основе межправительственных соглашений такую связь с Российской Федерацией.

Из «Положения о Президентской связи» № 366

В настоящее время в России используются четыре вида правительственной связи. Главная из них – ПС – президентская связь, которая насчитывает около 100 абонентов во всем мире.

Из электронной газеты «Власть»

Пока президент России дышал свежим ночным воздухом, люди, опекавшие его, не расслаблялись ни на секунду. Экипаж катера «Кавказ», стоявшего у причала, давно был под-

нят по боевой тревоге на тот случай, если Астафьеву вдруг захочется совершить небольшую морскую прогулку. Вскоре в направлении вертолетной площадки пробежали летчики, чтобы оказаться на месте, если Астафьев надумает поужинать где-нибудь в сочинском ресторане. Но он, не оправдав опасений ни тех, ни других, вернулся в комнату, тщательно задернул шторы и застыл перед зеркалом, отражающим его фигуру в полный рост.

По причине предстоящего крайне важного разговора этой ночью Астафьев не позволил себе переодеться в спортивный костюм или джинсы. Чтобы не расслабляться, он был одет как на парад, правда, без галстука. В костюме он чувствовал себя увереннее, тем более что это был примерно такой же костюм от Бриони, какой до недавнего времени служил униформой для Джеймса Бонда.

Вскинув голову, Астафьев повернул ее вправо, влево, придирчиво осмотрел свою прическу, стряхнул едва заметные соринки с лацканов. Опустив глаза, взглянул на свои часы «Бреге Классик» в корпусе из белого золота. Обошедшиеся Астафьеву в восемь миллионов рублей с копейками, они, несмотря на свою внушительную стоимость, не отличались особой точностью. Мысленно пообещав себе заменить их на что-нибудь вроде силинских «Патек Филипп», Астафьев снял трубку правительственного телефонного аппарата, поднес ее к уху и негромко произнес:

– Добрый вечер. Переводчика на линию. Затем соедините

меня с президентом Соединенных Штатов Америки. Что? Да, немедленно. Пусть включают все три уровня защиты. Во время переговоров ни с кем меня не соединять, даже если на связь выйдет сам Господь Бог.

– Слушаюсь, – четко, по-военному отозвалась телефонистка, дежурившая на коммутаторе.

Можно было не сомневаться, что весь полк правительственной связи приведен в состояние полной боевой готовности, дабы обеспечить российскому президенту возможность пообщаться с американским коллегой. Анатолия Астафьева всегда немного раздражала эта суета вокруг его персоны. Однако на политическом олимпе нельзя было иначе. Астафьев понимал это лучше, чем кто-либо другой. Являясь одним из вершителей судеб человечества, он уже привык взирать на это самое человечество сверху вниз, как и положено небожителю.

– Да, – коротко обронил он, услышав в трубке вопрос переводчика, осведомившегося, будет ли это прямой разговор глав двух держав или же они предпочтут общаться через секретарей.

Практика привлечения в качестве посредников секретарей позволяла выиграть время, прежде чем высказаться вслух. Когда Анатолий Астафьев избирал эту тактику, он обычно только здоровался с собеседником, а потом уступал место кому-то из помощников, слушая разговор по громкой связи. Но сегодня отсиживаться за спинами подчиненных

было нельзя.

Успокаивая нервы, Астафьев набрал полную грудь воздуха и медленно выпустил его через сложенные в трубочку губы. Он успел сделать это трижды, прежде чем услышал:

– Hello, Mister President.

– Здравствуйте, господин президент, – перевел молодой напряженный голос.

– Здравствуйте, мистер Браун, – произнес Астафьев, прислушиваясь к дыханию заокеанского абонента.

Не так давно оба президента хлопали друг друга по плечу и казались очень близкими приятелями. Особенно когда в перерыве между переговорами, проходившими в Белом доме, на радость журналистам решили перекусить в местном ресторане быстрого питания.

– Фастфуд, – заговорщицки подмигнул Браун.

– О'кей, – в тон ему ответил Астафьев.

Самый сообразительный из репортеров тут же окрестил событие «закусочной дипломатией», и фраза эта облетела весь земной шар.

Президенты прибыли на лимузине прямо из Белого дома в пригород Вашингтона Арлингтон и зашли в любимый ресторанчик Брауна под неблагозвучным названием «Ray's Hell Burger», что переводилось как «Чертובה бургерная Рэя». Там они уселись за обычный столик и, перешучиваясь, сделали заказ. Браун выбрал чизбургер с сыром чеддер, луком, салатом и помидорами. Астафьев остановился на чизбургере

с чеддером, луком, мексиканским перцем и грибами. Дабы прийти хоть к какому-то консенсусу, оба заказали одну порцию жареной картошки на двоих. Затем, не сговариваясь, сняли свои деловые пиджаки.

– Давненько не ел я гамбургеров, – признался Астафьев, потирая ладони.

Перефразированная американской прессой, реплика, перекликающаяся с гоголевской «давненько не брал я в руки шашек», прозвучала неуклюже и уныло: «Я давно не ел гамбургеров».

Выглядело это так, будто президент России сожалел о времени упущенных возможностей. Интерпретация американского переводчика была аналогичной, потому что Браун понимающе кивнул, сдобрил свою порцию кетчупом и сказал:

– Приезжайте в Америку почаще.

Редактором выпуска новостей Первого российского канала это было расценено как приглашение посетить Соединенные Штаты в самом ближайшем будущем.

Одним словом, невинный завтрак глав двух мировых держав доставил искреннее удовольствие только им одним, тогда как остальные прислушивались, анализировали, строили догадки и делали самые неожиданные выводы. Переводчики совсем взмокли в строгих костюмах, опасаясь пропустить невнятно произнесенные слова своих жующих боссов. Рядовые посетители почти перестали есть и с трудом глотали уже откушенные куски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.